

В. А. Сизов, А. Ф. Мещерякова

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ И ПРАКТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ ОПЕРАТИВНОГО
ЭКСПЕРИМЕНТА С УЧЕТОМ ПОСТАНОВЛЕНИЯ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
ОТ 30.10.2014 «ДЕЛО «НОСКО И НЕФЕДОВ
ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
(ЖАЛОБЫ № 5753/09 И 11789/10)**

Аннотация.

Актуальность и цели. Современная практика использования в правоохранительной деятельности оперативного эксперимента для документирования фактов взяточничества и коммерческого подкупа сталкивается с проблемами, которые обусловлены несовершенством действующего федерального законодательства об оперативно-разыскной деятельности. Отсутствует легально закрепленное понятие оперативного эксперимента, не регламентирована законом процедура его проведения. Указанные пробелы порождают спорные ситуации при оценке правомерности действий правоохранительных органов при проведении оперативного эксперимента.

Материалы и методы. В статье проведен анализ нормативной базы, отклоненного Проекта Федерального закона № 831609-6 «Оперативно-разыскной кодекс Российской Федерации», Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 03.12.2013) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», Постановления ЕСПЧ от 30.10.2014 «Дело «Носко и Нефедов (Nosko and Nefedov) против Российской Федерации» (жалобы № 5753/09 и 11789/10).

Результаты. Решением Европейского суда по правам человека от 30.10.2014 по делу «Носко и Нефедов против России» признаны недопустимыми результаты, полученные в ходе негласной операции в отношении врача Носко, задержанной с поличным при получении взятки. Европейским судом по правам человека отмечено, что недостатки процедуры проведения оперативного эксперимента обусловлены отсутствием адекватного законодательного регулирования. Данное обстоятельство оказывает негативное влияние на эффективность деятельности российских правоохранительных органов и снижает результативность мероприятий по противодействию коррупции и взяточничеству.

Выводы. Российское законодательство об оперативно-разыскной деятельности нуждается в совершенствовании, в частности, требуется легальное закрепление понятия оперативного эксперимента, процедуры его проведения и критериев, позволяющих однозначно отграничить законное моделирование ситуации при проведении оперативного эксперимента от подстрекательства к совершению преступления.

Ключевые слова: оперативно-разыскное мероприятие, оперативный эксперимент, задержание с поличным, взяточничество, коммерческий подкуп, подстрекательские действия, провокация.

V. A. Sizov, A. F. Meshcheryakova

**PROBLEMATIC ISSUES AND PRACTICE OF USING
THE OPERATIONAL EXPERIMENT BY ALL LAW ENFORCEMENT
AUTHORITIES BASED ON THE EUROPEAN COURT OF HUMAN
RIGHTS JUDGMENT FROM 30.10.2014 “CASE OF NOSKO
AND NEFEDOV AGAINST THE RUSSIAN FEDERATION”
(APPLICATION № 5753/09 AND 11789/10)**

Abstract.

Background. The current practice of using the operational experiment in law enforcement to document facts of bribery and commercial bribery is facing problems caused by imperfections in the existing federal law on operative and investigative activities: no legally secured concept of operational experiment, no legally regulated procedure of its conduct. These problems give rise to disputes in assessing the lawfulness of the actions of law enforcement agencies during the operational experiment.

Materials and methods. The article analyzes the regulatory framework, the rejected draft Federal Law № 831609-6 “Operational-investigative Code of the Russian Federation”, the Resolution of the Supreme Court Plenum from 09.07.2013 № 24 (revised on 03.12.2013) “On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes”, ECHR judgment from 30.10.2014 “Case of Nosko and Nefedov against the Russian Federation” (the complaint № 5753/09 and 11789/10).

Results. The decision of the European Court of Human Rights from 10.30.2014 in the case of “Nosko and Nefedov against Russia” declared the results, obtained in the course of covert operations against doctor Nosko caught red-handed while taking a bribe, to be invalid. The European Court of Human Rights noted that the deficiencies of the operational procedures of the experiment were caused by the lack of adequate legislative regulation. This fact has a negative impact on effectiveness of Russian law enforcement agencies and reduces effectiveness of measures to combat corruption and bribery.

Conclusions. The Russian operational-investigative legislation needs to be improved, in particular, it requires legal consolidation of operational concepts of the experiment, the procedure of its conduct meeting and criteria enabling to clearly distinguish legitimate situation modeling during the operational experiment from an incitement to commit a crime.

Key words: operational-investigative actions, operational experiment, detention in the act, corrupt practices, commercial bribery, incitement, provocation.

В науке и правоохранительной деятельности является общепринятым мнением, что оперативный эксперимент, сопровождаемый проведением различных технических мероприятий, представляет собой наиболее эффективный способ выявления и пресечения коррупционных преступлений, так как в этом случае преступление прекращается, а наносимый государству ущерб минимизируется [1, с. 39].

Однако современная практика его использования правоохранительными органами сталкивается с проблемами, которые обусловлены несовершенством действующего федерального законодательства об оперативно-разыскной деятельности. В частности, законом не регламентирована процедура проведения оперативного эксперимента, не закреплено в нормах права и его по-

нятие. Отдельные положения конкретизируются нормами приказов органов, уполномоченных на осуществление оперативно-разыскной деятельности, однако ведомственный нормативный акт не может способствовать разрешению проблем, возникающих на межведомственном уровне.

В связи с этим в теории и нормативных актах правоохранительных органов предлагаются различные определения анализируемого оперативно-разыскного мероприятия (ОРМ), с учетом которого формулируются критерии его допустимости.

Так, например, традиционное понимание органами внутренних дел сущности оперативного эксперимента опирается на методические рекомендации по тактике выявления и документирования фактов взяточничества и коммерческого подкупа, разработанные МВД России от 14.04.1999. Исходя из позиции разработчиков, оперативный эксперимент – это «создание для лица, в отношении которого имеется достоверная информация относительно его причастности к преступной деятельности, возможностей проявить себя в определенных условиях и наблюдение за тем, как оно проявляет себя в них». Иными словами, оперативный эксперимент предполагает совершение сотрудниками полиции активных действий по моделированию условий и последующему контролю ситуации.

В большинстве научных источников также предлагается считать оперативным экспериментом ОРМ, предполагающее совершение определенных опытных действий.

Например, авторский коллектив под руководством А. Н. Козырина определил оперативный эксперимент как ОРМ, направленное на создание и использование негласно контролируемых искусственных условий или объектов для совершения преступных посягательств на них в целях своевременного выявления, задержания с поличным или пресечения действий лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших тяжкие преступления [2, с. 109–110].

С. Д. Долгинов полагает, что оперативный эксперимент – это оперативно-разыскное мероприятие, осуществляемое путем создания негласно контролируемой и управляемой ситуации с целью выявления и задержания лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление. При этом нужно исключить искусственное создание доказательств совершения преступления, связанное с провоцированием лица к совершению противоправных действий [3, с. 333–336].

А. Ю. Шумилов и Е. С. Лапин полагают, что оперативный эксперимент – это изучение поведения лица в искусственно созданных управляемых или контролируемых условиях либо проведение иных опытных действий, непосредственно не связанных с поведением лица, для получения информации, которой проверяют и (или) уточняют имеющиеся сведения о приготовлении, покушении или совершении преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления [4, с. 274; 5, с. 43].

Ряд авторов, раскрывая понятие оперативного эксперимента, использует определение, закрепленное в ст. 26 Рекомендательного законодательного акта «О борьбе с организованной преступностью», принятого Постановлением Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ от 26 ноября 1996 г.

В соответствии с данной нормой оперативный эксперимент представляет собой «воспроизведение действий, обстановки, обстоятельств преступ-

ного события и совершение необходимых опытных действий в целях пресечения преступления, выявления субъектов, их совершающих, а также проверки и оценки собранных данных о возможности совершения определенных противоправных действий или получения иных данных о криминальной деятельности» [6, с. 22].

Приведенная конструкция не является совершенной и отличается громоздкостью. Однако в ней отражается концепция оперативного эксперимента как опытного действия, в ходе которого осуществляется создание условий, благоприятных для выявления преступных намерений проверяемых субъектов, перемещение предмета взятки, установление контроля над ним и участниками прогнозируемого криминального события.

В русле данной концепции в ст. 54 отклоненного в сентябре 2015 г. Советом Государственной Думы проекте федерального закона № 831609-6 «Оперативно-разыскной кодекс Российской Федерации», внесенного депутатом Государственной Думы А. А. Агеевым, предлагалось определить оперативный эксперимент как создание условий, обстановки или иных обстоятельств для проявления лицом преступных намерений [7].

В то же время имеется точка зрения, согласно которой оперативный эксперимент, используемый для проверки информации о готовящемся преступлении, предусмотренном ст. 290 УК РФ, представляет собой пассивный процесс фиксации передачи взятки и задержание с поличным участников взяточничества, т.е. при его производстве практически не выполняются опытные действия.

Так, М. А. Фомин определяет оперативный эксперимент как «целенаправленное негласное наблюдение, в условиях которого происходит выявление, пресечение и раскрытие преступления, установление взяткополучателя» [8, с. 21].

На первый взгляд определение понятия оперативного эксперимента имеет чисто теоретическое значение. Однако отсутствие легально закрепленного понятия, раскрывающего сущность рассматриваемого действия, приводит к признанию судами результатов, полученных в ходе оперативного эксперимента, недопустимыми.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 34 Постановления от 09.07.2013 № 24 (ред. от 03.12.2013) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [9] разъясняет, что не может расцениваться как уголовно-наказуемое деяние принятие должностным лицом денег, имущества или имущественных прав, совершенное при подстрекательских действиях. Указанные действия совершаются в нарушение требований ст. 5 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» [10] и состоят в передаче взятки или предмета коммерческого подкупа с согласия или по предложению должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, когда такое согласие либо предложение было получено в результате склонения этих лиц к получению ценностей при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что без вмешательства сотрудников правоохранительных органов умысел на их получение не возник бы и преступление не было бы совершено.

Очевидно, что такая общая формулировка при отсутствии четко закреплённого в законодательстве алгоритма проведения оперативного эксперимента только усугубляет проблемы правоприменительной практики.

Более того, российские суды руководствуются при рассмотрении дел решением Европейского суда по правам человека от 30.10.2014 по делу «Носко и Нефедов против России» [11], признавшим недопустимыми результаты, полученные в ходе негласной операции в отношении врача Носко, получившей незаконное денежное вознаграждение. При этом Европейским судом отмечается, что «недостатки процедуры, по-видимому, объясняются отсутствием адекватного законодательного регулирования», поскольку в отсутствие ясной и предсказуемой процедуры граница между законным внедрением негласного сотрудника и подстрекательством к совершению преступления с большей вероятностью будет преодолена.

Документирование факта получения взятки осуществлялось путем проведения сотрудниками органа внутренних дел Пензенской области ОРМ «Оперативный эксперимент».

23.11.2007 А. В. Носко в своем служебном кабинете, получив незаконное денежное вознаграждение, без фактического медицинского осмотра внесла заведомо ложные сведения в амбулаторную карту А., а также запись о продлении листа временной нетрудоспособности, выданного ею 20.11.2007 также за незаконное денежное вознаграждение. На основании данных оперативного эксперимента А. В. Носко было предъявлено обвинение. По приговору Зареченского городского суда Пензенской области от 26.05.2008 А. В. Носко была осуждена по ч. 2 ст. 290 УК РФ.

Однако сторона защиты, ссылаясь в судебных инстанциях на то, что информация, полученная из анонимного источника, являлась единственным основанием для проведения оперативного эксперимента, обжаловала приговор во всех инстанциях, в том числе в Европейском суде по правам человека (жалоба № 5753/09).

В жалобе сторона защиты изложила предположения, что А. регулярно сотрудничала с милицией, которая направила ее к сослуживцу А. В. Носко. Следовательно, рассчитывая на доверие Носко к сослуживцу и готовность помочь коллеге, сотрудники милиции не бездействовали и тем самым в ходе оперативного эксперимента оказали давление на фигурантку.

ЕСПЧ принял указанные доводы во внимание и пришел к выводу о наличии в деле недостатков фактического и процессуального характера.

В частности, ЕСПЧ констатировал, что негласные операции сами по себе не являются вмешательством в право на справедливое судебное разбирательство и что допустимое полицейское поведение от подстрекательства отделяет наличие ясных, адекватных и достаточных процессуальных гарантий. Конвенция о защите прав человека и основных свобод не препятствует использованию на стадии предварительного следствия, если этого требует характер преступления, таких источников, как анонимные информаторы. Однако последующее использование подобных источников судом первой инстанции при признании виновности составляет иной вопрос и является допустимым только при наличии адекватных и достаточных гарантий против злоупотреблений. Хотя допустимость доказательств относится к компетенции внутригосударственных судов, по мнению ЕСПЧ, в делах, в которых ос-

новное доказательство получено в результате негласной операции, власти должны доказать, что они имели достаточные основания для организации негласного мероприятия. Европейский суд также отмечал в своей прецедентной практике, что негласные операции должны проводиться существенно пассивным образом в отсутствие оказания давления на заявителя для совершения преступления за счет таких средств, как принятие на себя инициативы в контактах с заявителем, настойчивое побуждение, обещание финансовой выгоды или обращение к чувству сострадания заявителя.

Оценка выводов ЕСПЧ с позиций российского правоприменителя приводит к выводу об острой необходимости законодательной регламентации сущности и процедуры оперативного эксперимента. В современных условиях механизм получения взятки статусными фигурантами трансформировался из одномоментного получения «конверта с деньгами» в служебном кабинете в процесс разностороннего коррупционного взаимодействия взяткополучателя и взяткодателя в неформальных условиях. В такой ситуации оперативный эксперимент как пассивное наблюдение, осуществляемое путем проведения негласных оперативно-технических мероприятий в служебном кабинете либо по месту жительства фигуранта, не обеспечивает результата и не способствует выполнению задач, предусмотренных законодательством об ОРД.

Кроме того, с учетом решений, принятых по делу А. В. Носко, региональная правоприменительная и судебная практика вынуждена исходить из необходимости наличия заявления о совершенном преступлении как основания проведения оперативного эксперимента и обязательного участия в проведении ОРМ заявителя, а не какого-либо иного лица.

Сложившаяся ситуация ограничивает применение эффективных приемов и средств, предусмотренных законодательством об оперативно-разыскной деятельности, в противодействии практике незаконных денежных вознаграждений.

В целях выработки механизма проведения ОРМ «Оперативный эксперимент», исключая условия и обстоятельства, которые могут быть квалифицированы как элементы провокации, правоохранительными органами применяется два способа документирования фактов взяточничества и, по аналогии, коммерческого подкупа.

Первый предполагает получение первичной оперативной информации, которая проверяется в рамках дела оперативного учета. При подтверждении информации проводятся оперативно-разыскные мероприятия, направленные на установление лиц, осведомленных о преступных действиях фигуранта, в том числе имеющих намерение передать ему денежное вознаграждение за те или иные действия.

С установленными по результатам ОРМ лицами проводится разъяснительная работа с целью получения заявления и привлечения к сотрудничеству в изобличении взяточника.

Следует учитывать, что к оформлению заявления также установлены определенные требования. В частности, рекомендуется во всех случаях получать заявление, написанное заявителем собственноручно, с обязательным указанием сведений о разъяснении ему положений ст. 306, 307 УК РФ и предупреждении об уголовной ответственности за заведомо ложный донос и заведомо ложные показания.

В тех случаях, когда гражданин согласен подать заявление, ему отводится активная роль в документировании преступных действий взяточполучателя, что предполагает большой объем предварительной работы с заявителем. Особое значение при этом имеет тщательная проработка линии поведения заявителя, исключающей элементы провокации в ходе ОРМ.

Далее в соответствии с требованиями законодательства об ОРД и ведомственных приказов осуществляется непосредственная подготовка, проведение ОРМ «Оперативный эксперимент» и легализация его результатов.

Второй способ, по объективным причинам реализуемый в единичных случаях, предполагает гражданскую инициативу со стороны лиц, попавших в коррупционную ситуацию. В подобных случаях лицо, у которого явно или «конклюдентными» действиями вымогают незаконное денежное вознаграждение, по собственной инициативе обращается с заявлением в органы внутренних дел. При таком развитии ситуации ОРМ проводятся в рамках проверки зарегистрированного сообщения о преступлении без заведения дела оперативного учета.

После регистрации заявления незамедлительно проводится проверка всех лиц, названных заявителем в качестве подозреваемых, при отсутствии полных установочных данных устанавливается их личность. Одновременно проводится анализ всех имеющихся сведений, полученных в ходе беседы с заявителем, оценивается их достоверность и полнота для решения вопроса о наличии состава преступления, определяется достаточность оснований для проведения ОРМ «Оперативный эксперимент».

При положительном выводе с заявителем в кратчайшие сроки проводится предварительная работа, аналогичная вышеописанной, осуществляется подготовка и проведение ОРМ «Оперативный эксперимент».

Вместе с тем указанными способами, предусматривающими обязательное участие в оперативном эксперименте заявителя и никакого иного лица, невозможно обеспечить надлежащую эффективность мероприятий по противодействию «статусной» коррупции, в том числе с признаками организованности.

Преступления, совершаемые «статусными» фигурантами и организованной преступной группой, обладают высокой степенью латентности и характеризуются «криминальной профессиональностью» в реализации фигурантами преступных замыслов. Соответственно, проведение оперативного эксперимента требует профессиональных оперативных навыков от лица, непосредственно участвующего в оперативно-разыскном мероприятии.

Указанные обстоятельства практически исключают возможность реализации первого из вышеописанных способов документирования, поскольку лица, передающие «статусному» фигуранту денежные вознаграждения, как правило, сами являются активными участниками в реализации коррупционных схем и находятся в длительных, а не эпизодических отношениях с фигурантами. Склонить таких лиц к добросовестному, без риска «двурушничества» участию в оперативном эксперименте, даже получив от них соответствующее заявление, практически невозможно.

Соответственно также малоприменим и второй вариант документирования. Добросовестные граждане, попадающие в коррупционную ситуацию

со «статусным» фигурантом, предпочитают не обращаться в правоохранительные органы.

В редких случаях обращения в органы внутренних дел такие заявители, как правило, не соглашаются на активное участие в оперативном эксперименте по причине страха, нежелания негативных последствий личного или делового характера. Даже в случае согласия заявителя на участие в оперативном эксперименте, его «непрофессиональные» действия на фоне эмоциональных факторов легко просчитываются фигурантами и не позволяют эффективно провести оперативно-разыскное мероприятие.

Данные проблемы правоприменительной практики требуют обсуждения и разрешения на межведомственном федеральном уровне, в том числе путем внесения соответствующих инициатив по совершенствованию законодательства об ОРД.

Список литературы

1. **Федоренко, Д. Н.** Оперативный эксперимент как основное средство противодействия взяточничеству в таможенных органах Российской Федерации / Д. Н. Федоренко // Таможенное дело. – 2013. – № 1. – С. 38–40.
2. О федеральных органах налоговой полиции : комментарий Закона Российской Федерации / под ред. А. Н. Козырина. – М. : Статут, 2000.
3. **Долгинов, С. Д.** Оперативный эксперимент или провокация: пределы возможного / С. Д. Долгинов // 20 лет Конституции Российской Федерации: актуальные проблемы юридической науки и правоприменения в условиях совершенствования российского законодательства : Четвертый пермский Междунар. конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 18–19 октября 2013 г.) : избранные материалы / отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. – М. : Статут, 2014. – 368 с.
4. **Шумилов, А. Ю.** Курс основ оперативно-розыскной деятельности : учеб. для вузов / А. Ю. Шумилов. – М. : Издательский дом И. И. Шумиловой, 2008. – 391 с.
5. **Лапин, Е. С.** Оперативно-розыскная деятельность. Курс правовых и теоретических основ : учеб. пособие / Е. С. Лапин. – М. : Юрлитинформ, 2011. – 232 с.
6. **Борисенко, К. А.** К вопросу о понятии оперативного эксперимента как эффективного средства борьбы с преступлениями коррупционной направленности в уголовно-исполнительной системе России / К. А. Борисенко // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2014. – № 1. – С. 21–23.
7. **Агеев, А. А.** Оперативно-разыскной Кодекс Российской Федерации : проект Федерального закона № 831609-6 (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 06.07.2015) / А. А. Агеев. – URL: <http://asozd.duma.gov.ru>
8. **Фомин, М. А.** Допустимость материалов ОРМ в качестве доказательств по делам о получении взятки / М. А. Фомин // Уголовный процесс. – 2010. – № 2. – С. 21–22.
9. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 03.12.2013) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. – № 9.
10. Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 29.06.2015) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.
11. Дело «Носко и Нефедов (Nosko and Nefedov) против Российской Федерации (жалобы № 5753/09 и 11789/10) : Постановление ЕСПЧ от 30.10.2014 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2015. – № 4 (154).

References

1. Fedorenko D. N. *Tamozhennoe delo* [Customs service]. 2013, no. 1, pp. 38–40.
2. *O federal'nykh organakh nalogovoy politzii: kommentariy Zakona Rossiyskoy Federatsii* [On the federal fiscal police bodies: comments to the Russian Federation Law]. Ed. by A. N. Kozyrin. Moscow: Statut, 2000.
3. Dolginov S. D. *20 let Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii: aktual'nye problemy yuridicheskoy nauki i pravoprimereniya v usloviyakh sovershenstvovaniya rossiyskogo zakonodatel'stva: Chetvertyy permskiy Mezhdunar. kongress uchenykh-yuristov (g. Perm', 18–19 oktyabrya 2013 g.): izbrannye materialy* [20th anniversary of the Constitution of the Russian federation: urgent problems of juridical science and law enforcement in the modern Russian legislation: 4th Perm international congress of lawyers-scholars (Perm, 18–19 October 2013)]. Moscow: Statut, 2014, 368 p.
4. Shumilov A. Yu. *Kurs osnov operativno-rozysknoy deyatel'nosti: ucheb. dlya vuzov* [The course of operational investigations: tutorial for universities]. Moscow: Izdatel'skiy dom I. I. Shumilovoy, 2008, 391 p.
5. Lapin E. S. *Operativno-rozysknaya deyatel'nost'. Kurs pravovykh i teoreticheskikh osnov: ucheb. posobie* [Operational investigations. The course of legal and theoretical foundations: tutorial]. Moscow: Yurlitinform, 2011, 232 p.
6. Borisenko K. A. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie* [Penal system: law, economy, management]. 2014, no. 1, pp. 21–23.
7. Ageev A. A. *Operativno-rozysknoy Kodeks Rossiyskoy Federatsii: proekt Federal'nogo zakona № 831609-6 (red., vnesennaya v GD FS RF, tekst po sostoyaniyu na 06.07.2015)* [The operational investigation code of the Russian Federation: the Federal law draft № 831609-6 (edition introduced to GD FS RF, the text as of 06.07.2015)]. Available at: <http://asozd.duma.gov.ru>
8. Fomin M. A. *Ugolovnyy protsess* [Criminal procedure]. 2010, no. 2, pp. 21–22.
9. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of Russia]. 2013, no. 9.
10. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 1995, no. 33, art. 3349.
11. *Byulleten' Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka* [Bulletin of ECHR]. 2015, no. 4 (154).

Сизов Владимир Александрович

кандидат социологических наук, доцент,
кафедра правосудия, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40);
начальник управления экономической
безопасности и противодействия
коррупции УМВД России по Пензенской
области
(Россия, г. Пенза, ул. Злобина, 52)

E-mail: vas-055@mail.ru

Sizov Vladimir Aleksandrovich

Candidate of sociological sciences,
associate professor, sub-department
of justice, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia);
head of the economic security and
anti-corruption office of the Ministry
of Internal Affairs of Russia in Penza
region
(52 Zlobina street, Penza, Russia)

Мещерякова Анна Федоровна

кандидат юридических наук, доцент,
кафедра правосудия, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: fuga9@yandex.ru

Meshcheryakova Anna Fedorovna

Candidate of juridical sciences, associate
professor, sub-department of justice, Penza
State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 34.343.352.4

Сизов, В. А.

Проблемные вопросы и практика использования правоохранительными органами оперативного эксперимента с учетом Постановления Европейского суда по правам человека от 30.10.2014 «Дело «Носко и Нефедов против Российской Федерации» (жалобы № 5753/09 и 11789/10) / В. А. Сизов, А. Ф. Мещерякова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 4 (36). – С. 66–75.